

Феномен "пограничности" в цивилизационной концепции Я. Шемякина

Автор: Т. И. ЗАХАРОВА, З. З. КНЫЖОВА

Главный предмет изучения Я. Шемякина в его интересной и актуальной книге "Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории" [Шемякин, 2001] - специфика латиноамериканской цивилизации, сложившейся в результате сложных комбинаций элементов различных европейских и неевропейских культурных традиций. Изучение этого социокультурного феномена ведется в рамках цивилизационного подхода - относительно нового в сравнительном изучении политической составляющей социальных общностей. Зачастую анализ цивилизационных феноменов проводится в геополитическом контексте [Фукуяма, 2004; Цымбурский, 1999]. Наиболее интересной для нас представляется возможность рассмотреть через эту исследовательскую призму политику как производную культуры.

Понятие "цивилизация", которым широко оперирует автор, "выражает одновременно как идею единства человечества, так и мысль о его многообразии". Кроме того, оно "позволяет в одном слове выразить всю напряженность отношений противоречивых сторон современного социального бытия" и служит "эффективным инструментом познания нынешнего сверхсложного многомерного мира" [Шемякин, 2001, с. 21]. В толковании этого понятия автор сближается с Н. Данилевским, О. Шпенглером, А. Дж. Тойнби и С. Хантингтоном. Понятие "цивилизация" восходит по смыслу к понятию "культурно-исторический тип", сформулированному в XIX в. Данилевским: "...всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой для того, чтобы родство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, - составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества" [Данилевский, 2003, с. 95]. Надо отметить, что в то время понятие "цивилизация" использовалось в основном для обозначения определенной стадии исторического развития. Так, у Ф. Энгельса эпоха цивилизации представляет собой один из трех главных периодов в истории человечества (дикость-варварство-цивилизация), каждый из которых подразделяется на низшую, среднюю и высшую ступень сообразно с прогрессом в производстве средств к жизни [Энгельс, 1982, с. 23 - 29]. Позже, в начале XX в., Шпенглер использовал для характеристики феноменов, сходных с упомянутыми у Данилевского, понятие "высокая культура". Это "группа народов подчеркнуто выраженного стиля и единого мироощущения" [Шпенглер, 1993, с. 197].

Захарова Татьяна Игоревна - аспирантка кафедры политологии факультета гуманитарных и социальных наук Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Кныжова Зарина Закиевна - аспирантка той же кафедры.

Определенным образом описание "культурно-исторического типа" или "высокой культуры" Данилевского и Шпенглера сближаются с классическим определением цивилизации А. Дж. Тойнби, который писал, что они "представляют собой общества с более широкой протяженностью как в пространстве, так и во времени, чем национальные государства, города или любые другие национальные союзы" [Тойнби, 1991, с. 40]. В наше время Хантингтон обозначает при помощи понятия "цивилизация" "наивысшее культурное общество людей, самый широкий уровень культурной идентификации... У цивилизаций нет четко определенных границ и точного начала и конца. Состав и форма цивилизаций меняется со временем" [Хантингтон, 2003, с. 51].

С точки зрения Шемякина, цивилизация является собой способ бытия, реализуемый посредством человеческой деятельности. Факторы, обеспечивающие целостность цивилизации, - система ценностей, экономическая деятельность и государство. Эти представления о структуре цивилизации позволяют автору сформулировать некоторые задачи цивилизационного анализа: среди них главные - определить, каким образом решаются тем или иным человеческим сообществом коренные экзистенциальные проблемы; выяснить, каково соотношение и специфика различных факторов, обеспечивающих целостность цивилизаций в каждом отдельном случае [Шемякин, 2001, с. 35 - 37].

В дополнение к этому в книге представлена оригинальная классификация цивилизаций, в основе которой лежат представления о соотношении в их структуре начал (принципов) единства и многообразия, целостности и гетерогенности (неоднородности). В зависимости от этого цивилизации разделены на "классические" и "пограничные". Классические: западнохристианская, южноазиатская индо-буддийская, восточноазиатская конфуцианско-буддийская, исламская цивилизации имеют цельное основание - монолитный религиозно-мировоззренческий "фундамент". В "пограничных" преобладает начало многообразия, гетерогенности. Цельная, монолитная духовная основа отсутствует, религиозно-цивилизационный фундамент состоит из нескольких качественно различных частей, из-за чего вся цивилизационная конструкция неустойчива.

По мнению Шемякина, в "пограничных" цивилизациях происходят столкновения и конфликты двух основных типов мирового цивилизационного развития - Запада и Востока, причем ни одно из этих начал не получает решающего преобладания, не определяет в полной мере характер цивилизационной системы [Шемякин, 2001, с. 9]. Следует уточнить, что речь не идет о политическом конфликте как об открытом противопоставлении Запада и Востока, имеющем выражение в противостоянии, крайней формой которого является вооруженная борьба. В работе Шемякина говорится о структурных противоречиях, заложенных *внутри* социокультурной системы, в основаниях самой цивилизации, причем эти противоречия носят не деструктивный, а скорее, созидательный характер.

Отсюда возникает центральное для концепции книги понятие *пограничности*. Оно отражает смысловую альтернативность понятий инновации и традиции, Запада и Востока, их дихотомию и симбиоз одновременно. Этот комплекс противоречий проявляется в культуре через подавление разнообразия потребностей, а в области общественного самосознания - в постепенном осознании своей особенности и в создании идеологии и политической теории особого пути. В масштабе цивилизации "пограничность" проявляется либо в невозможности сделать выбор между западной и восточной моделями развития, либо во внутрицивилизационной напряженности, которая возникает в результате отторжения "пограничной" цивилизации представителями классических культур Запада и Востока. Ощущение носителями "пограничной" цивилизации некоторой собственной неполноценности в большей степени оказывается навязанным извне. Сами представители "пограничной" цивилизации могут не думать о своей "ущербности" и даже наоборот - переживать свою специфичность как уникальность.

Шемякин определяет несколько факторов, на которые необходимо обращать внимание в процессе сравнения цивилизационных систем России и Латинской Америки как социокультурных макрообщностей глобального масштаба. Первый фактор - природный; при его рассмотрении он выделяет несколько коренных экзистенциальных проти-

воречий (человек-природа, индивид-социум, мирское-сакральное, традиция-инновация), с которыми связан целый ряд важнейших отличительных черт "пограничных" цивилизаций. второй - социально-культурный фактор, выраженный в форме проблемы противопоставления цивилизации и "варварства" как одной из основных "дуальных оппозиций", отражающих противоположные по своей сути способы человеческого бытия. При этом цивилизация как порядок и прогресс во всех сферах жизни, обеспечение простора индивидуальной инициативе, господство разума над страстями, закона и права над грубой силой, соблюдение принципов свободы и демократии отождествляется в основном с западным началом [Шемякин, 2001, с. 210]. Однако надо отметить, что и трактовка автором понятия "варварство" не носит резко выраженного негативного оттенка. Оно скорее отражает у него некую *инаковость* определенных элементов в структуре "пограничных" цивилизаций.

Существенное значение имеет данный в книге анализ роли пространственных и временных представлений в классических и "пограничных" культурах. Как в российском, так и в латиноамериканском случае, с точки зрения Шемякина, в рамках единого культурного поля мышление в терминах пространства доминирует над мышлением в понятиях времени. Продемонстрировано, что латиноамериканский образ мира в значительной степени базируется именно на пространственных сюжетах. Здесь автор обнаруживает параллели с Россией, поскольку становление новой цивилизации было неразрывно связано с пространственным опытом - присоединением и освоением новых территорий [Шемякин, 2001, с. 219]. Пространство в культуре "пограничных" цивилизаций обладает определенным набором структурных характеристик. На первое место среди них Шемякин выдвигает качество, которое определяется такими терминами, как беспредельность, бескрайность, необозримость, неизмеримость - то есть нечто, не вписывающееся в представление о мере. Но в отличие от категории пространства, которая рассматривается весьма подробно, в своей работе Шемякин практически не останавливается на категории времени, что является, на наш взгляд, слабым местом исследования.

Особое внимание в книге уделяется внешнему воздействию на Латинскую Америку со стороны других цивилизаций. Автор определяет несколько направлений влияния на латиноамериканскую цивилизацию: прямое - эмигранты из Европы, а также из Азии (Индия, Китай, арабский мир); опосредованное - испанская и португальская культуры. Но хотя влияние западно-христианской и, в меньшей степени, исламской культуры присутствует, оно не оказывает определяющего воздействия на структурные характеристики цивилизации, поскольку параллельно частично сохраняется доколониальный цивилизационный базис, соответствующий раннеклассовым государствам-цивилизациям, таким как империи ацтеков и инков. Эта форма автохтонной цивилизации характеризуется сосуществованием сельских общин и зачаточного государства, объединявшего в своих руках экономическую, политическую и духовную власть. Носитель верховной власти обеспечивает функционирование социального организма посредством традиционных институтов на всех ступенях. Вокруг него вращается весь многослойный и разветвленный бюрократический аппарат, а сам он предстает перед народом как высшее существо, олицетворяющее единство сельских общин.

Природные условия "пограничных" цивилизаций и проблемы России

Рассматривая процесс взаимодействия Европы с Латинской Америкой, Шемякин особое значение придает проблеме, условно обозначенной им как "Латинская Америка и Россия", объясняя это тем, что в определенном смысле Россия - это тоже Европа: исторически она формировалась как "другая Европа", качественно отличная от Западной. Изучение России и Латинской Америки и закономерностей их взаимодействия с другими цивилизациями, в том числе западной, требует их сравнения друг с другом, поскольку нельзя не обратить внимание на структурное сходство латиноамериканской и российско-евразийской цивилизаций [Шемякин, 2001, с. 11].

При этом Шемякин ссылается на труды таких ученых-латиноамериканистов, как Ю. Тирин и А. Кофман, чьи исследования были направлены в основном на изучение латиноамериканской культуры и латиноамериканской модели мира; литературовед и культуролог В. Земсков, Б. Коваль и С. Семенов, проводившие компаративные исследования "пограничных" цивилизаций Европы и Америки, и многих других. Вместе с тем Шемякин отмечает недостаточную разработанность данной тематики и потребность в дальнейшем, более глубоком изучении проблемы сходства и специфики Латинской Америки и России.

Особенности данного вопроса требуют особой перспективы исследования, построения его структуры, расстановки акцентов. В книге обозначаются две тесно взаимосвязанные задачи, решение которых подразумевает двойное исследование процесса межкультурного взаимодействия: во-первых, осуществление сравнительного анализа участников контакта; во-вторых, изучение самого контакта. Эти задачи неотделимы друг от друга, поэтому, в сущности, речь идет о двуединой задаче. Однако соотношение между двумя ее составляющими может быть различным. На первый план выдвигаются либо сравнительный анализ участников межкультурного взаимодействия, либо исследование такого взаимодействия [Шемякин, 2001, с. 13].

Яркий пример цивилизационной компаративистики - сравнительное изучение автором России и Латинской Америки. Это весьма непростая задача. На первый взгляд может показаться, что она неразрешима, что перед нами слишком сложный многосоставный объект для анализа. Но именно поэтому особенно интересно провести структурные аналогии между диаметрально противоположными в историческом и географическом отношении цивилизациями. Ведь разница между ними не абсолютна. Можно рассматривать латиноамериканскую и российскую цивилизации как единый культурно-исторический тип. Как уже говорилось, обе они имеют планетарный масштаб, в обеих цивилизациях особую роль играет природный фактор. Как и в Латинской Америке, в России осмысление своих особенностей чаще всего шло по линии сопоставления с опытом Западной Европы, которое нередко выливалось в противопоставление собственной специфики этому опыту.

Для нас особенно интересно, что, говоря о России, Шемякин рассматривает две во многом противоположные трактовки роли природного фактора в формировании социально-психологических характеристик русского народа. Это представления о его роли у либералов (С. Соловьев, В. Ключевский) и евразийцев. У Соловьева признание детерминирующего воздействия природной среды (леса и степи) на политическую историю России сочетается с резко отрицательной оценкой характера и последствий такого воздействия. У Ключевского российская природа определяет экономическую жизнь, прежде всего характер процесса труда, и уже в связи с этим - и социально-психологические характеристики русского народа, во всяком случае, основной его части - крестьян. Хотя воздействие природных условий не оценивается столь однозначно отрицательно, как у Соловьева, все же в трактовке Ключевского оно определяет большие сложности при организации трудового процесса и формирование некоторых качеств (например, "непривычки к размеренному постоянному труду"), которые трудно оценить положительно и которые были одним из препятствий на пути развития страны [Шемякин, 2001, с. 198].

Абсолютно иной подход присущ "евразийцам": природа России оценивается ими однозначно положительно. Такая оценка мотивирована прежде всего тем, что географическая природная среда нашей страны, по их мнению, является главной предпосылкой возникновения особой евразийской цивилизации и основным фактором, обуславливающим ее специфику. В силу своего географического положения Россия, лежащая на границе двух миров - восточного и западного, - исторически и геополитически выполняет роль некоего культурного синтеза, объединяющего эти два начала.

На сегодняшний день противоречивое влияние географического положения, характерное для "пограничной" цивилизации, сохранило в России свое значение - факты, подтверждающие это, можно обнаружить и в современной политической действительности. Россия проявляет себя как великая европейская и азиатская держава, стремится к

членству и в различных европейских организациях и ассоциациях, и в некоторых азиатских блоках; в то же время сохраняется некоторая хаотичность русского политического сознания (примером может послужить политическая нестабильность в стране в начале 1990-х гг.), а также определенная дистанцированность власти от общества, во многом связанная с географическим фактором - пространственной протяженностью территории страны и, как следствие, существенной отдаленностью большинства регионов от федерального центра.

Подобные же тенденции Шемякин усматривает в Латинской Америке, где также существуют две точки зрения на природный фактор и его влияние на социально-психологические характеристики ее народов. В связи с этим он выделяет ряд характерных особенностей латиноамериканского цивилизационного сознания: одновременное ощущение своей родственности и чуждости по отношению к европейской культурной традиции, восхищение мощью и необузданностью природных сил - и в то же время резко негативную оценку могущественной латиноамериканской природы. В книге акцентируется внимание на чрезвычайно сложных и драматичных взаимоотношениях человека с собственной средой обитания: в "пограничных" цивилизациях человек постоянно ощущает угрозу извне, предчувствует некую опасность - и ведет постоянную борьбу с внешней средой. Отчасти образ общего внешнего "врага" присутствует и в политической жизни - в данном случае он переносится на политическое руководство, и тогда возникает политическая нестабильность: государственные перевороты, частая смена режимов и т.п.

Согласно концепции "пограничных" цивилизаций, отсутствие цельного культурного фундамента означает определенную слабость цивилизации как таковой, независимо от того, о каких конкретно традициях идет речь [Шемякин, 2001, с. 211]. Следствием этого является постоянное возникновение очагов нестабильности и политической напряженности в государствах Латинской Америки.

Духовная жизнь в "пограничных" цивилизациях

Далее Шемякин рассматривает роль в "пограничных" культурах таких понятий, как "мера" и "норма", в которых та или иная культура осмысливает законы, управляющие как миром природы, так и человеческим миром, а также понятие "гармония" как идеал, осуществимый лишь в случае реализации в действительности принципов меры и нормы. В "пограничных" цивилизациях можно наблюдать следующую картину: доминирующий в типичной для них системе представлений подход к проблеме меры (и, соответственно, к понятиям нормы и гармонии) прямо обусловлен отсутствием онтологического равновесия как формы проявления монолитного религиозно-ценностного фундамента. В основе духовного строя "пограничных" общностей лежит идея перехода через грань меры, выхода за поставленные человеку пределы, представление о собственной реальности, как о чем-то принципиально противоположном норме [Шемякин, 2001, с. 222].

Качественной характеристикой латиноамериканского мира признается *сверхнормативность*, проявляющаяся как творческая незаурядность и выход за рамки установленных порядков. В качестве иллюстрации данного положения Шемякин приводит высказывание известного латиноамериканского мыслителя А. Карпентьера: "Я провел в Европе несколько лет и убедился, что Латинская Америка не укладывается в привычные представления европейцев; это мир, ломающий все старые нормы". Латиноамериканское пространство безмерно, ибо нарушает все привычные пропорции западной картины мира, общества и природы [Шемякин, 2001, с. 223]. История свидетельствует, что в подавляющем большинстве случаев гражданские законы играли в политическом процессе стран Южной и Центральной Америки отнюдь не решающую роль. Так, в периоды политических кризисов этих государств преимущество в противостоянии элит было на стороне представителей силовых структур.

С точки зрения Шемякина, для цивилизационного самосознания России типичны те же основные черты. И в работах отечественных авторов последних двух веков можно

найти немало утверждений о том, что безмерность и анормативность российского смыслового пространства формируют такой душевный склад россиянина, который предполагает постоянный переход через границу меры, нарушение норм, заимствованных у Европы. Примером этого, на наш взгляд, может послужить российская демократия. Уже на протяжении десяти лет можно наблюдать трансформацию западных норм и правовых традиций на почве своеобразной и противоречивой российской политической культуры, тяготеющей к авторитарному началу. Возможно, учитывая опыт прошедшего десятилетия, властная элита предпринимает попытку следовать подобной самобытной традиции. Наиболее заметным шагом в этом направлении стал переход к назначению губернаторов из федерального центра.

Одной из определяющих характеристик "пограничного" сознания Шемякин считает стремление во всем к идеальному и абсолютному. Этот тип сознания принято называть *утопическим*. Но сознание россиян нельзя в полной мере характеризовать подобным образом. Утопия - вымышленное общество как воплощение произвольно сконструированного и зачастую статичного социального идеала. Вследствие практической неосуществимости такого идеала понятие приобрело метафорический характер и стало синонимом любого научно необоснованного проекта (социального, технического и т.д.) [Философский... 1981]. На протяжении истории российской цивилизации общественному сознанию была в большей степени свойственна *финалистская* проекция, уходившая корнями в религиозную сферу. И Россия языческая, и Россия православная придавали особое значение окончанию жизни, будь то жизнь одного человека или "жизнь" всего человечества. Древние славяне были убеждены, что после смерти "статус" человеческой души может значительно возрасти - душа умершего вместе с дымом от погребального костра попадет на небо, где присоединится к душам предков. "А если все души предков находятся в небе (в "ирье"), то они становятся как бы сопresentствующими с верховным небесным божеством" [Рыбаков, 1987, с. 74 - 75, 80]. Православие же ориентировало верующих на ожидание Страшного суда.

Правда, в отличие от древней и царской России, в советский период такая ориентация, напротив, уступает место стремлению к идеальному проекту построения будущего. Подобную конструкцию допустимо в некоторой степени считать утопичной, и, как большинство моделей утопий, она носит светский характер. Утопический образ социалистического строя, ведущего к "светлому будущему", характерен для идеологической платформы не только Советского Союза, но и ряда стран Латинской Америки (ярчайший пример - "Остров Свободы"). В обоих случаях он практически идентичен: "И в Латинской Америке, и в России утопизм в различных формах - константа цивилизационного сознания. Правда, в отличие от России, в регионе к югу от Рио-Гранде социалистическая утопия в континентальном масштабе не была реализована" [Шемякин, 2001, с. 226].

Образная символика "пограничных" цивилизаций

Для "пограничных" цивилизаций свойственно не только столкновение разных культурных традиций, но и стремление к их симбиозу. Так, на первоначальном этапе процесс формирования российской нации происходил в обоюдном влиянии оседлых и степных "стихий". Взаимопроникновение культурных элементов шло преимущественно мирным путем - отсюда такие характерные черты российского народа, как склонность к культурной кооперации, взаимному прорастанию устоев и традиций, толерантность по отношению к иным народам. Однако подобного рода процессы зачастую не перерастают в культурный синтез.

Для отображения такого рода цивилизационной специфики Шемякин использует образ кентавра. По его мнению, этот образ типичен для латиноамериканской мысли. В качестве примера он приводит высказывание Кофмана: "Смесь принципиально разных существ, кентавр символизирует расовое смешение и выражает мотив гибридности латиноамериканского мира, а также соединяет в себе ипостаси человека и зверя... в латиноамериканской интерпретации кентавр воплощает гармоническое соединение

двух начал: индейского, варварского, звериного, природного (конь), и европейского, цивилизованного (человек)... выступает как символ гармонизации человека и среды, автохтонной и европейской культуры, - то есть как символ латиноамериканца вообще" (цит. по [Шемякин, 2001, с. 217]).

Этот образ широко используется Шемякиным и применительно к России. По его мнению, "именно с попыткой осмыслить российскую действительность как пограничье между цивилизацией и "варварством" (оседлой православной культурой и кочевой стихией) связано появление одного из ключевых мислеобразов, характеризующих двойственность и крайнюю противоречивость цивилизационного статуса России-Евразии: мислеобраза кентавра" [Шемякин, 2001, с. 216]. Он считает, что применение мислеобраза кентавра может служить одним из символических "ключей", открывающих путь к познанию специфики "пограничного" цивилизационного статуса.

Нам кажется, что в современной художественной литературе также можно обнаружить образ, в чем-то сходный с образом кентавра из древнегреческой мифологии, но в большей мере соответствующий рассматриваемой Шемякиным проблеме. Это Тяни-Толкай - животное, похожее на лошадь, но с двумя головами на одном туловище, причем эти головы смотрят в разные стороны [Чуковский, 2002]. Очевидно некоторое сходство этого образа с изображением орла на гербе Российской Федерации, также обладающего двумя головами, смотрящими в противоположные стороны - на Запад и на Восток. При определенных условиях образ Тяни-Толкай можно было бы интерпретировать и как символ дуалистической сущности российской политики и культуры.

Итак, в своей глубокой, яркой и талантливой книге Шемякин выделяет ряд характерных черт латиноамериканской и российской цивилизаций, которые, по его мнению, теснейшим образом взаимосвязаны и взаимообусловлены:

- особая значимость природного фактора в цивилизационной системе;
- характер социальной и культурной действительности Латинской Америки и России как "пограничья" между цивилизацией и варварством;
- преобладание в этих культурах образа пространства над образом времени в рамках пространственно-временного континуума культуры;
- постоянный переход в них через грань меры как способ бытия человека и общества.

Они отражают преобладающую тенденцию эволюции двух цивилизаций, связанную с утверждением их особого системного качества - пограничности. Контртенденция к преодолению "пограничности" "предполагает изменение самого типа цивилизации: либо трансформацию "пограничного" сообщества в самостоятельную цивилизационную систему "классического" типа, либо интеграцию ее в уже существующую субэкумену" [Шемякин, 2001, с. 227].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. М., 2003.
- Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М., 1991.
- Философский словарь. М., 1981.
- Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2004.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. М., 2003.
- Цымбурский В. Л.* Россия - земля за великим лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М., 1999.
- Чуковский К. И.* Доктор Айболит и другие сказки. М., 2002.
- Шемякин Я. Г.* Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. М., 1993.
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1982.